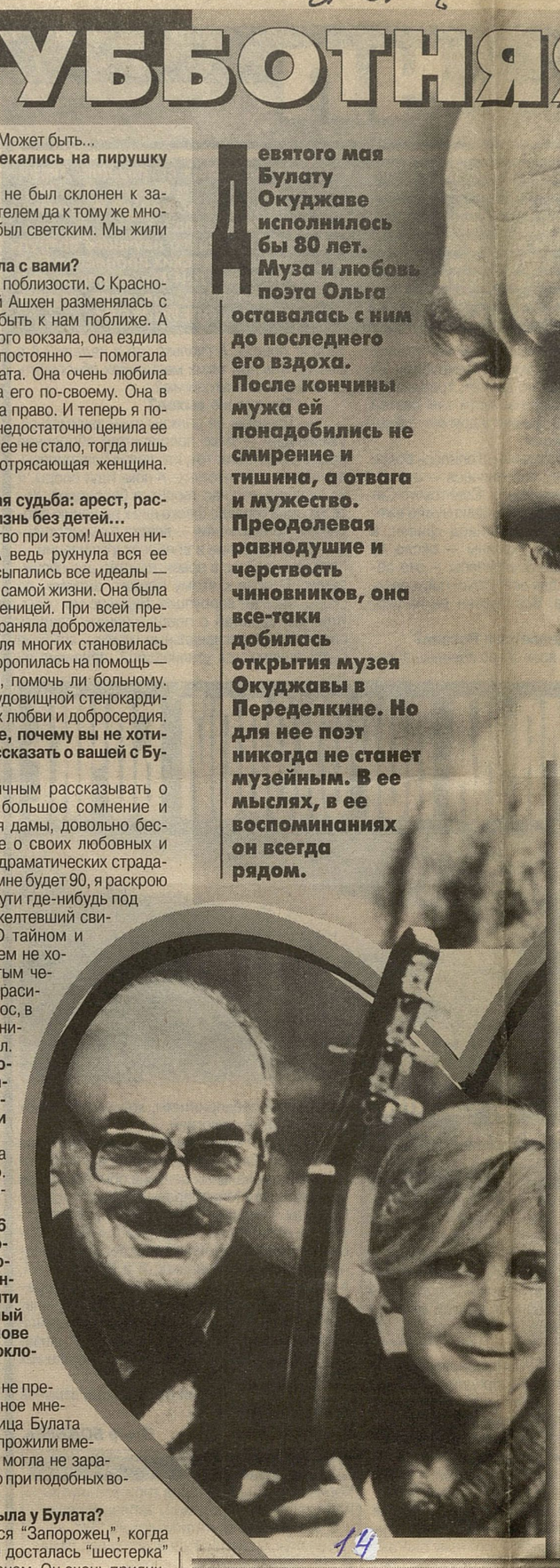
Окуджава Булат

8.05.04

СУББОТНЯЯ ВСТРЕЧА

ФОТО БУЛАТА ОКУДЖАВЫ

Девятого мая Булату Окуджаве исполнилось бы 80 лет. Муза и любовь поэта Ольга оставалась с ним до последнего его вздоха. После кончины мужа ей понадобились не смирение и тишина, а отвага и мужество. Преодолевая равнодушие и черствость чиновников, она все-таки добилась открытия музея Окуджавы в Переделкине. Но для нее поэт никогда не станет музейным. В ее мыслях, в ее воспоминаниях он всегда рядом.



На 13-м этаже

Иногда в трудные минуты она нажимает клавишу — из тишины вступают в комнату возвышенные звуки симфонического оркестра. Испытываешь шок: мелодия "Молитвы" Окуджавы — для гитары, а тут скрипки, альты, виолончели и медные инструменты мощно подхватили ее, сделали торжественной мессой. Поет Окуджаву итальянский певец Финарди на итальянском. "Молитву" Булат посвятил Ольге. Это она для него — "Господи, мой боже, зеленоглазый мой". В "Молитве" — любовь, покаяние и благодарение.

В комнате Булата Шалвовича — все, как при нем было. На его кресле у письменного стола лежат стопки только что вышедших книг: Окуджаву совершенно роскошно издает "У.Фактория" в Екатеринбурге. Твердые обложки изящно одеты в разноцветные ситцы, каждая в своем стиле. Сажусь в кресло у круглого гостевого стола и замираю: оно качнулось вправо. Ольга Владимировна улыбается:

— Кресло захромало в годы, когда новую ножку у нас купить было невозможно. Кто-то доставил эту ножку из-за границы, но она оказалась чуть короче других. Булат прибил то, что было. Так она и осталась.

— Наверное, эта просторная квартира досталась вам непросто.

— Ей лет 25 — мы получили ее от Союза писателей, правда, с приключениями. Мы тогда приехали из Ленинграда, где прожили два года. Мама Булата Ашхен заняла у знакомых и друзей деньги на первый взнос за трехкомнатную маленькую кооперативную квартирку. Нам достался первый этаж. Но когда строивший этот дом архитектор отказался от своей квартиры (нашел где-то пошикарнее), началось переселение народов. Нас вознесли на девятый этаж, под самую крышу. Вскоре мы почувствовали соседство кирпичного завода: шел белый душный пар. У четырехлетнего сына началась астма. Булат просил у Союза писателей такую же квартиру, но в другом районе. После долгих мытарств нам предоставили эту — тоже трехкомнатную. Но за нее забрали нашу кооперативную, а с ней — весь выплаченный пай, который нам стоил невероятных усилий и лишений.

Все стены квартиры — в фотографиях дорогих людей. Картины Михаила Шемякина, Бориса Мессерера, Вадима Сидура, Юрия Васильева. Несколько живописных портретов Окуджавы. Над постелью Булата Шалвовича висит портрет Ольги — в ней очарование молодости и колдовского соблазна. Написал его Борис Биргер вместе с изумительным портретом Окуджавы.

— Многие критиковали этот портрет. Считали, что Борис Григорьевич из обаятельного поэта с гитарой сделал мыслителя. Удивительно, но художник оказался прав. Через много лет Булат стал замечательно похож на этот портрет.

Поклонение женщине

Ходят легенды о покоряющем обаянии Окуджавы, о его влюбчивости. Стихи Булата о женщинах полны поклонения, дышат нездешними чувствами. Рыцарственные интонации автора словно доносились из века средневековых менестрелей:

Тьмою здесь все занавешено.
И тишина, как на дне...
Ваше величество женщина,
да неужели — ко мне?

И в каждом обращении — смятение, жажда любви и возвращение поэта к тусклой яви убогого быта:

Кто вы такая? Откуда вы?
Ах я смешной человек...
Просто вы дверь перепутали,
улицу, город и век.

В этом прерывистом дыхании вопросов укрыто внезапное лирическое волнение. Можно представить, какой напор женских воздыханий и любовей устремлялся к Окуджаве на концертах и в письмах! Ольга Владимировна ни за что не соглашается посвящать всех и каждого в историю своего романа с Булатом, в перипетии своей долгой семейной жизни. Можно предположить, что она увидела поэта на его концерте.

— Нет! Никогда до встречи не видела его на концерте и не слышала его записей.

— Значит, просто судьба вас вела своим путем.

— (Смеется.) Это вы говорите... Я об этом не рассказываю. Слишком много всяких легенд насочинено. Терпеливо слушаю все эти выдумки. А как на самом деле случилось, не скажу.

— Вы хотя бы напишите об этом!

— (Встрепенулась.) Может быть...

— К вам часто стекались на пирушку друзья?

— Булат Шалвович не был склонен к застольям. Он был созерцателем да к тому же много работал. Наш дом не был светским. Мы жили довольно замкнуто.

— Мама Булата жила с вами?

— Ее квартира была поблизости. С Красно-пресненской набережной Ашхен разменялась с младшим сыном, чтобы быть к нам поближе. А вот когда мы жили у Речного вокзала, она ездила к нам через весь город постоянно — помогала мне вырастить сына Булата. Она очень любила мальчика. И воспитывала его по-своему. Она в нашем доме на все имела право. И теперь я понимаю, что, может быть, недостаточно ценила ее по-настоящему. Но когда ее не стало, тогда лишь я осознала, какая она потрясающая женщина. Поразительная.

— У нее трагическая судьба: арест, расстрел мужа, ссылка, жизнь без детей...

— И какое достоинство при этом! Ашхен никогда не жаловалась. А ведь рухнула вся ее жизнь. Обрушились, рассыпались все идеалы — они для нее были дороже самой жизни. Она была поразительной бессребреницей. При всей предельной замкнутости сохраняла доброжелательность ко всем людям. Для многих становилась поддержкой — плечом. Торопилась на помощь — посидеть ли с ребенком, помочь ли больному. Уже старая, больная, с чудовищной стенокардией, она летела на крыльях любви и добросердия.

— Ольга, объясните, почему вы не хотите хотя бы чуть-чуть рассказать о вашей с Булатом любви?

— Считаю неприличным рассказывать о своих чувствах. Очень большое сомнение и улыбку вызывают у меня дамы, довольно бесстыдно рассказывающие о своих любовных и тайных приключениях, о драматических страданиях. Может быть, когда мне будет 90, я раскрою рот. Или в конце моего пути где-нибудь под подушкой обнаружат пожелтевший свиток моих откровений. О тайном и личном рассказывать всем не хочется. Булат был закрытым человеком. Он не любил красивые слова, презирал пафос, в интимные подробности никогда никого не посвящал.

— Но в стихах, в прозе все-таки открывалась вся его жизнь, собственный житейский и чувственный опыт.

— В стихах Окуджава выплеснул очень много. Читайте, этого вполне достаточно.

— Вашему браку 36 лет. Для поэта такое постоянство почти невероятно — только в старинном романе можно найти такой гладкий семейный сюжет. Значит, в основе лежала и любовь, и поклонение?

— Это вы сказали. Я не претендую на такое роскошное мнение. Я все-таки выученица Булата Шалвовича, недаром мы прожили вместе так долго. Я ведь не могла не заразиться его деликатностью при подобных вопросах.

— Какая машина была у Булата?

— Сначала появился "Запорожец", когда ему было уже 45. Потом досталась "шестерка" — роскошь по тем временам. Он очень прилично водил. С ним в машине иногда можно было даже... петь. Арию Каварадосси, например. У него был прелестный тенор, и он с удовольствием пел любимые вещи. Правда, всегда не свои. К себе Булат относился иронически. Мог при случае спародировать самого себя. Если наши друзья просили его показать новенькое, только что испеченное, вот только тогда он мог взять в руки гитару.

— Парижское русское зарубежье, дворяне и их потомки сразу признали в Булате своего. Почему?

— Парижские русские так же, как и несчастная советская интеллигенция, признали его, потому что поняли, о чем он писал. Ведь очень многие, даже любя песни Окуджавы, не понимают их подлинного смысла. Чтобы понять поэта, нужно сделать усилие, быть самому на уровне, обладать определенными душевными качествами.

Королева Сильвия и Джоан

Однажды Булата и Дмитрия Сергеевича Лихачева пригласил Нобелевский комитет в Стокгольм, на обед с королевой. У Дмитрия Сергеевича был фрак, у Булата, конечно, не было. Заботливые организаторы обмерили русского гостя и сшили для него фрак. Привезенное Ольгой вечернее платье совершенно не отвечало торжественности обеда у королевы. Знакомая одолжила ей прекрасный, голубовато-бирюзовый наряд с большой ниткой жемчуга.

— Мы сидели недалеко от королевы. По ритуалу я не могла встать и подойти поближе к королевской семье, чтобы сфотографировать. Но, как простая русская тетка, я все-таки уловила такой счастливый момент. Перед десертом прозвучал гонг, и впустили стайку журналистов — разрешили им фотографировать. И когда журналистская ватага стала таять, я решилась, подбежала близко к королеве Сильвии. Она была неотразимо прекрасна. Я сказала: "Ваше величество" — и приложила руку к груди. Она повернула лицо ко мне и улыбнулась, я сфотографировала ее. Зачем мне это было нужно, видит бог, не знаю.

— Вы с Булатом посетили много стран. У вас появились там друзья?

— Да, за границей у нас есть несколько любимейших друзей, которые, счастлива признаться, очень поддерживают меня и сегодня. Нам посчастливилось познакомиться с Джоан Афферика. Она американский профессор, вдумчивый, тонкий собеседник. По-моему, ее привел к нам Женя Евтушенко. Она приезжала к нам в трудные советские годы, и сразу у нас возникло понимание и притяжение друг к другу. Продружив с ней более сорока лет, могу сказать, что в ней есть что-то от миссионеров. Она прекрасно говорит по-русски, нас с Булатом всегда старалась подбодрить, опекать, пригреть; сочувствовала нам, сопереживала. Ее желание быть полезной, разделить с нами наши сложности проявлялось постоянно. Но притом никогда Джоан не изменяло чувство такта. Она очень деликатный друг. Когда Джоан бывала у нас в Ленинграде, мы видели: под окнами всегда "дежурили" черные машины. Прощаясь, мы плакали и каждый раз думали, что расстаемся навсегда.

Когда нас впервые пустили в Париж, Джоан и ее муж приехали туда из Америки повидаться с нами и показать нам этот прекрасный город. Их забота о нас была удивительно трогательной.

— Ольга, когда Булату делали операцию на сердце в США, вы тоже были с ним?

— Конечно. Я все это и затеяла.

— Где-то я читала, будто Булат говорил, что у него после операции наступила депрессия.

— После операции на открытом сердце, как правило, у всех наступает на какой-то срок депрессия — влияние глубокого наркоза. Человек медленно начинает адаптироваться к новой жизни. Наконец-то оживает кровь, прибывают силы. Булат даже снял очки — у него вдруг почти полностью восстановилось зрение. Он почувствовал себя помолодевшим. Мы тогда прожили в США четыре или пять месяцев. Нам не разрешали лететь: перелет после операции очень опасен. Булат радовался своему второму рождению. Мы долго жили у нашего великолепного друга Саши Половца в Лос-Анджелесе, затем в Бостоне у Шиллеров. И, конечно, у нашей любимой Джоан.

— Мог бы Булат навсегда поселиться в Калифорнии?

— Нет. Он мог жить только в Москве. Ему очень нравилась Америка. Очень. Он вообще умел видеть лучшее в стране, в народе, в человеке. Но жить...

Влади и Володя

— Окуджава посвятил песни и Марине Влади, и Высоцкому. Расскажите о ваших встречах.

— Мы встречались с Володей и Мариной в Москве. Влади — кумир моего поколения. Булату Шалвовичу, бедному учителю в калужской деревне, и не снилось, что он будет выпивать и закусывать с потрясающей красавицей Влади.

— Звездой экрана, поистине таинственной волшебницей, которую она блистательно играла в фильме "Колдунья".

— В общении Марина и очаровательна, и проста. Она поражала легкой открытостью. О ней можно было сказать: "свой парень". Она очень милая и естественная, без фальши, без актерского кривляния. И очень красивая.

— Высоцкий и Окуджава, они дружили?

— Тесной дружбы у них не было — они не были собутыльниками, вместе не работали. Но у них была одна судьба. Их соединяло какое-то братское расположение, единочувствие, нежное доверие. Булат относился к Володе как к младшему брату. Конечно, наверное, десятки друзей были Высоцкому ближе и дороже, но у него с Булатом было огромное, трогательное взаимопонимание, братская любовь друг к другу.

У нас с Володей был общий друг — Анатолий Гарагуля, обаятельная личность, капитан теплохода "Грузия". Мы часто отдыхали в Доме творчества в Ялте, корабль Гарагули был там приписан, и мы иногда общались. Однажды в каюте-люкс он возил вдоль побережья Марину с Володей. Потом какое-то время спустя он предложил отдохнуть нам с Булатом, и мы поехали в той же каюте. И как раз посредине нашего плаванья вечером мы хорошо попировали, а утром пришел Гарагуля. На нем лица не было. Он едва мог говорить — и мы узнали о смерти Володи. Стало страшно... Булата это очень сильно тряхануло. Это была для нас смерть действительно родного человека.

Последние мгновения

Про внезапную кончину Булата Шалвовича в Париже Ольга Владимировна не рассказывает. Она была с ним одна. Трудно представить, через какой ужас ей пришлось пройти.

— Когда-то, очень давно, с чего-то вдруг у нас возник разговор, и он сказал так стыдливо: "Знаешь, я бы хотел, чтобы меня сожгли. А потом бы рано, в 5 или 4 утра, вы с Булей пошли бы тихонько на Арбат и разбросали пепел по Арбату". Как же я могла это сделать? Рука не поднялась. Я металась: как же выполнить его волю. Это уже не тот Арбат, и публика не та. И я должна Булата им под ноги бросить?! Но, я думаю, та его фраза о сожжении — вовсе не завещание, а просто минута сердечной слабости или поэтической фантазии. Может быть, частично это и свершилось. Но сейчас никто про это не узнает.

— Надеюсь, в книге о Булате вы расскажете и об этом...

— Вы настаиваете, как Белла Ахмадулина. Она мне все время говорит: "Пиши, я тебя прошу, пиши..." Однажды Булат собирался вместе с Борей Мессерером поехать в Тарусу к Белле на день рождения. Булат был за рулем. Я испекла пирог и написала: "Я шлю тебе пирог и мужа своего, чтоб он привез пирог и мужа твоего". Белла — самое драгоценное, что из людской толпы человечество подарило Булату. Он очень восхищался талантом и красотой Беллы. Во многих стихах — ее тень, ее образ возникает и летит, только это не расшифровано. Булат много личного, интимного в стихах зашифровал.

— Ольга Владимировна, природа хранит вас, оставляя вам и красоту, и энергию. Вдруг влюбитесь и выйдете замуж?

— (Смеется.) Глупое предположение. Я старая, соответствую своему возрасту и своему представлению о возрасте. Женских амбиций у меня нет. А замуж... Я бы вышла с удовольствием... за Булата Шалвовича.

— Поддерживаете ли отношения с родными Булата?

— Мы нежно дружим с моей невесткой Галиной, женой Игоря, старшего сына Булата Шалвовича от первого брака. Он умер в том же году, что и его отец. Их сын Алеша — это мой единственный внук. Родные Булата — и те, что в Москве, и те, что в Тбилиси, — мои родные. Я очень люблю их, и они меня не оставляют. Дай бог им здоровья.

Музей в Переделкине

— Ольга, ваш телефон не умолкает...

— В дни 80-летия Окуджавы вдруг оказалось, что всем он нужен. Но я не скорбная литературная вдовица — теперь я чиновница, директор маленького Государственного музея Окуджавы в Переделкине. Я слышала фразу: "Она продавила этот музей". И я действительно продавила, и вы, Наташа, помогали мне в этом. Мне многие помогали. И все мы победили. Личным указом президента Путина музей был открыт.

— Вы президент Фонда Окуджавы. Наверное, он очень беден, поскольку состоятельные люди даже не знают о его существовании.

— Фонд был создан вскоре после кончины Булата. Созданию музея противодействовал еще и Литфонд, которому принадлежал дощатый домик в Переделкине. Для борьбы за создание музея надо было опереться на какое-то юридическое лицо. С этой целью и был создан фонд.

— Поступают ли какие-нибудь деньги на его счет?

— Очень мало. Регулярно переводят скромные 5—10 рублей пенсионеры. Это очень трогает. И какие-то, пусть малые средства из фонда я добавляю к маленьким зарплатам сотрудников, иначе мы не выжили бы. Я — с психологией нищего человека, прожившего жизнь в весьма скромном достатке, — считаю, что государство в целом нас содержит неплохо. Но когда я прочла резюме Швыдкого, будто за время его министерского служения средняя зарплата работников музея поднялась до 6 тысяч, то усомнилась. Мне почему-то дают на 20 человек сотрудников всего 69 тысяч рублей.

— Скажите, есть ли в других странах фонды Окуджавы?

— Очень мощный — иерусалимский. По всей стране он проводит фестивали и конкурсы Окуджавы. Люди пишут стихи, посвященные Булату. Езжу туда на гала-концерты. Победитель получает приз в 2000 долларов, есть еще поощрительный в 500 долларов. Там бизнесмены присылают в фонд большие деньги, и фонд помогает молодым художникам, поэтам, писателям. Есть Общеамериканский фонд Окуджавы. Он устраивает вечера, встречи, и года три назад привезли нам в музей оттуда небольшие деньги на аппаратуру, чтобы начать работу с архивом. Но и за эту дружескую поддержку я бесконечно им благодарна.

Булат родился в День Победы, после 9-го класса ушел на фронт и был ранен, а умер в День независимости России. Его судьба поразительно, почти мистически связана с судьбой нашей Родины. В годы начавшегося нравственного оскудения Окуджава поставил тревожный диагноз нашему обществу:

Через два поколения выйдут на свет
люди, которых сегодня нет...
Им будет робость моя чужда,
они раскованней будут и злей...
Зависть, ненависть и вражда
взойдут над просторами их полей.

Он нас предупредил. Услышим ли мы? Сегодня в 19 часов Переделкине телевидение проводит "Булатову субботу" для вас.

Наталья ДАРДЫКИНА.

СЕРДЦА

То ли мед,
то ли горькая чаша,
то ли адский огонь,
то ли храм.
Все, что было его, —
нынче ваше.
Все для вас.
Посвящается вам.

Б.Окуджава

БУЛАТА

14